

Ирина Ю. Станковская

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Сборник рассказов

Ирина Ю. Станковская
Фанастическая любовь.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9529075

ISBN 978-5-4474-0729-2

Аннотация

В сборнике представлены рассказы, посвящённые вечной теме – любви во всех её проявлениях. Бескорыстная, эгоистичная, губительная, спасающая и рождающая новую жизнь и новые надежды, любовь всё так же многолика и загадочна, как тысячи лет назад. И останется таковой, пока стоит мир.

Содержание

Бескорыстная любовь	5
Beati possidentes	10
Мой герой	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Фантастическая любовь
Сборник рассказов
Ирина Ю. Станковская

© Ирина Ю. Станковская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бескорыстная любовь

Утром Аньес пьёт кофе с круасанами в маленьком парижском кафе, днём заходит на ланч в сетевую забегаловку в Осло или Копенгагене, ест знаменитые смёрбрёды, запивая ледяным пивом, а под вечер обедает в римском районе Трастевере – пицца огромная и сытная, но Аньес справляется. Красное сухое домашнее подойдёт, Аньес нет необходимости корчить из себя тонкого знатока вин. А огни Лас Вегаса уже призывно манят её провести весёлую ночь, попивая бесплатный алкоголь, который разносят не интересные ей красотки. Спит она одна. Аньес давно разочаровалась в мужчинах и в настоящей любви. Ей приписывают многочисленные романы. Фаворитка жёлтой прессы, она нанимает для этих целей красавчиков-однодневок и твёрдо гнёт свою линию: не родился ещё человек, который полюбит не её миллиарды, накопленные предками со времён Средневековья, а саму Аньес, паразитку, беспечную прожигательницу жизни. Ведь для тех, кто ничего не знает о её богатстве, она серая мышка, интровертка, малоразговорчивая особа, хотя и не без некоторой приятности в чертах бледного лица.

Иногда родственники пытаются повлиять на наследницу. «Не слишком ли много ты летаешь самолётами? Это же опасно!» – в забывчивости пеняет ей тётушка Марго, седьмая вода на киселе. Аньес пожимает плечами. «Не опаснее автомо-

билей», – говорит она, криво улыбаясь. И старая дама умолкает, бросая на девушку боязливый взгляд.

Зрубрум наслаждается рентгеновским излучением в Туманности Андромеды, немного погодя знакомые могут встретить его в окрестностях Млечного пути – он глотает газовые облака, которые некоторые находят странными на вкус. Бороздя галактику Треугольника, Зрубрум попадает в чёрную дыру, но благополучно выходит оттуда сытым, обновлённым и отдохнувшим. В хорошем настроении он заваливается спать среди межзвёздных скоплений. Не беда, что он одинок. Не нашлось ещё во Вселенной такое существо, которое может понять ранимую душу космического скитальца, авантюриста и универсального пожирателя всех видов энергии. Наследственность у него слишком хорошая, в томто и беда! Кто бескорыстно пойдёт с ним по жизни рука об руку (сей фразеологизм, конечно, не совсем подходит для безрукого Зрубрума, но суть примерно такова)?

Они встречаются вне Земли. Аньес, космическая туристка, выплывает из модуля МКС с замученным её капризами инструктором. Страховочный трос удерживает небольшое, но крепкое, накачанное под руководством личного тренера, тело девушки. Она уже спускалась к останкам «Титаника», поднималась на Мачу-Пикчу, распугивала бумерангом стайки кенгуру в Австралии. Её ничем не удивишь. Космос – последняя новинка, преподнесённая небесным ювелиром на тёмной подложке небес россыпью бриллиантов-звёзд

за вполне приемлемую сумму. Зрубрум качается на волнах солнечного света – этот небольшой жёлтый шар успокаивает, расслабляет. Он замечает маленькую серебристую фигурку, парящую на тонкой привязи у объекта искусственного происхождения, творения местной недоразвитой цивилизации. Зрубрум широким жестом разворачивает перед ней радужный газовый шлейф, желая увидеть реакцию примитивного существа: сейчас оно оживится, замашет конечностями, будет искать того, кто кинул на солнечный ветер такое богатство. Фигурка некоторое время неподвижно смотрит на космическую феерию, затем медленно поворачивается и лениво ползёт прочь, цепляясь за скобы, к другой, более крупной фигуре, которая, похоже, попала на удочку Зрубрума и что-то сбивчиво сообщает по своим каналам собратьям внутри металлической бочки. Зрубрум раздосадован. Лёгким движением он разрывает трос, и фигурка неспешно плывёт к нему, не выказывая беспокойства. Аньес уверена, что за такие деньги её обязательно поймут, разыщут, пустят на поиски все ресурсы Земли. Но миллиардершу и страховщиков ждёт сюрприз: Зрубрум нашёл то, что искал, и не собирается отдавать добычу. Кузина Аньес, веснушчатая Жанна с шармом, хваткой и хорошим образованием, получит наследство: вот кто не будет разбрасываться богатствами, а приумножит их на многие века вперёд.

Зрубрум старается изо всех сил: окружил предмет страсти газовым коконом, в котором она может дышать без скафанд-

ра, изолировал от космического холода, перенаправил энергетические потоки и сделал бессмертной. Теперь до конца времён он будет из кожи вон лезть, пытаясь заслужить расположение спутницы, вызвать мимолётный интерес. Аньес не возражает, ей хорошо и спокойно в присутствии заботливого покровителя. И она улыбается загадочной и почти счастливой улыбкой. Они посетят все планеты Солнечной системы, прокатятся на газовых санях среди известных ей только по названиям созвездий Зодиака, и через сотни лет, в компании невидимого людям Зрубрума, Аньес иногда будет завтракать круасанами в Париже.

Каждое существо желает, чтобы оценили некое внутреннее «я», которое и оценить-то никаких критериев нет, поскольку этого «я» не заметишь отдельно от всей личности, плохой, хорошей или вообще никакой. Чудо, что эти двое нашли друг друга!

И хочется верить, что когда погаснет Солнце и настанет последний час Земли, люди увидят в небе смутные черты задумчивого лица давно забытой всеми женщины. Несколько локальных землетрясений, ураганы и цунами, трещины остатков антарктического панциря: это Аньес под незримым руководством Зрубрума, аккуратно укутав планету в защитную сферу, несёт ее к новому дому в какой-нибудь дружественной Галактике, может быть из сострадания к человеческому роду, а может быть только для того, чтобы иногда запивать кофе очередной круасан в маленьком кафе на остров-

ке Сен-Луи, где когда-то, единственная и любимая девочка, она завтракала с родителями незадолго до той страшной авткатастрофы.

Beati possidentes

Профессор Майнберг посмотрел на студента Шторма, внимавшего каждому слову наставника, и грустно улыбнулся.

– Мой дорогой друг, молодости свойственны заблуждения и необдуманые порывы. Теперь, когда жизнь моя близится к закату, я вспоминаю историю, произошедшую со мной в незабвенные юные годы.

И, время от времени поглядывая на весёлые язычки пламени в камине, учёный муж начал рассказывать о событиях далёкого прошлого.

– В те годы я был молод и горяч, но все движения души, вся юная страсть были направлены на служение науке, этой величественнейшей из сфер человеческой деятельности. Я окончил университет и пустился в странствия, на практике познавая и изучая законы бытия. Мои знатные и состоятельные родители противились на их взгляд бесполезному увлечению. Они положили мне скудное денежное содержание, но я не отступился.

Я наблюдал разные народы, нравы, изучал религии и государственное устройство чужих стран. Так пролетело более года. Я путешествовал верхом, мой конь Буцефал верно служил мне и ветром уносил от погонь и прочих неприятностей, подстерегающих одинокого путника. Иногда я получал ве-

сточки от любезной сестрицы Элизабет: она никогда не забывала оказывать мне духовную и материальную поддержку. Её просвещённый супруг благоволил мне и никогда не забывал приписывать в письмах супруги пару тёплых строк.

В один прекрасный день я заехал в город Т. и зашёл к банкиру обналичить вексель, посланный мне щедрой и любящей родственницей. Получив увесистый мешочек золотых, довольный и успокоенный, я вышел из лавки и решил, не останавливаясь в городе, продолжить путь. Я надеялся успеть до темноты в часто посещаемое паломниками аббатство Сен Беренгар, славившееся богатой библиотекой. Дорога моя лежала через знаменитый Т-ский лес. Выехав в ясный солнечный день, я спустя несколько часов был застигнут непогодой и заблудился. Вскоре стало смеркаться, пошёл холодный дождь, многочисленные тропинки разбегались в разные стороны, и нельзя было понять, какая из них выведет меня на дорогу к аббатству. Внезапно за моей спиной послышался приглушённый стук копыт. Я испугался, поскольку подумал, что кто-то мог проследить, как я выходил из лавки банкира. Обернувшись со смятением в душе, я увидел всадника на красивом вороном коне. Бросив взгляд на богатую одежду незнакомца, дорогую сбрую лошади, и не заметив у него оружия, я понял, что опасаться нечего. Мужчина подъехал ближе. На вид ему было далеко за пятьдесят. Смуглое худое лицо, испещрённое морщинами и шрамами, излучало сдержанную доброжелательность, хотя нос с заметной горбинкой

придавал ему немного хищное выражение. Из-под широкополой шляпы незнакомца выбивались чёрные с проседью волосы.

– Сударь, я вижу, вы заблудились, – заметил всадник, вежливо кивая мне, – эта дорога ведёт к моему замку, а я редко принимаю гостей.

– Вы правы, – сказал я, – дождь застал меня на пути в аббатство Сен Беренгар, и вот уже долгое время я кружу по лесу.

– До аббатства вам теперь порядочно ехать, – произнёс незнакомец сочувственно.

Струйка воды стекла с полей шляпы на его плечо, и он поморщился.

– А с какой целью вы направляетесь в аббатство? – спросил мужчина.

Я понимал, что в моём старом дорожном плаще выгляжу непрезентабельно, да и седельные сумки во избежание соблазна для грабителей были потёрты и залатаны, поэтому со всей возможной учтивостью я представился и рассказал вкратце о своих странствиях.

– Да, в молодости я много занимался науками, – улыбнулся мой собеседник, – я – граф фон Грюнвальд, мой замок находится поблизости. Хотя я уже говорил, что не люблю принимать гостей, но для книголюба и учёного сделаю исключение. Переночуете у меня, а завтра мой слуга проводит вас в аббатство.

Я с радостью принял любезное приглашение графа, и через некоторое время мы приехали в замок. У ворот нас встретили слуги и, отдав Буцефала на попечение смышлённого паренька с улыбочивым лицом, я последовал за хозяином.

В уютной комнате я нашёл всё необходимое для путешественника, а граф был так добр, что распорядился дать мне сухую одежду. После сытного ужина, во время которого я с удовольствием обнаружил схожесть наших взглядов на многие научные проблемы, граф предложил посетить его лабораторию. В сопровождении домоправителя, несшего большой фонарь, мы прошли по тёмному замку. В лаборатории нас поджидал горбатый слуга с лицом, изуродованным жутким шрамом, – граф представил его как своего молочного брата Лимонио. Реторты, колбы, тигли, жаровня содержались им в идеальном состоянии, хотя сам Лимонио носил порядком потрёпанную одежду, а кожаный его фартук был покрыт пятнами и кое-где проеден до дыр. Такую прекрасную лабораторию я не видел даже в университете моего родного города А.

Я с восхищением слушал рассказ графа, дополняемый по ходу дельными замечаниями Лимонио. Они продемонстрировали мне несколько интересных опытов, и я, преисполненный благоговения перед людьми, осмеливающимися дерзко проникать в тайны матери-природы, не поскупился на похвалу.

– Лимонио, зажги канделябр, – приказал граф, обратив

внимание на недостаточную освещённость помещения.

Слуга завозился у жаровни, а я увидел на полке перед собой медный подсвечник и услужливо подал его хозяину замка. К моему удивлению, граф быстро выхватил его из моих рук и опустил в карман сюртука.

– Не трогайте этот подсвечник! – раздражённо сказал фон Грюнвальд. – Напольный канделябр даст больше света!

Такая неожиданная перемена настроения меня обескуражила. Граф заметил это и криво улыбнулся.

– Не обращайтесь внимания, – пробормотал он, – этот подсвечник мне очень дорог!

Я кивнул и отвёл взгляд, но успел заметить, что его рука, погруженная в карман, поглаживает подсвечник ласково, как комнатную собачонку.

Почему-то мне не стали больше ничего показывать, Лимонио так и не зажёл канделябр, и конец вечера был скомкан. Мы покинули лабораторию и дошли до холла, где распрощались. Домоправитель проводил меня в спальню, поскольку я ещё плохо знал дорогу, а граф с Лимонио отправились по своим делам.

На следующий день я не смог двинуться в путь, так как с утра снова зарядил дождь, и к тому же я немного прихворнул. Граф предложил мне быть гостем замка до тех пор, пока я не выздоровею. Я был не прочь остаться, тем более что здешняя библиотека приготовила мне несколько приятных сюрпризов. Я провёл почти весь день за увлекатель-

ным чтением трудов великих алхимиков прошлого, которые, несмотря на заблуждения и ошибки, много сделали для настоящей науки, проводя воистину смелые эксперименты. В немом восторге я пролистал несколько уникальных фолиантов, оказавшихся переводами с персидского и арабского языков! С графом я встретился лишь за обедом. Он был вежлив, выслушивая мои горячие похвалы его книжным редкостям, но я заметил, что мысли хозяина замка витали где-то далеко. Время от времени рука фон Грюнвальда ныряла в карман, и я предположил, что там находится тот самый подсвечник из лаборатории. Вероятно, подумал я, граф использует его для успокоения души и молитвы, как делает это верующий, перебирая чётки.

Вторая ночь в замке прошла спокойно, хотя мне слышались иногда чьи-то лёгкие шаги, как будто по комнате ходит какой-то маленький зверёк. Я даже зажигал свечу, но никого не увидел. В этих старых замках звуки распространяются очень странным образом.

Утром я спустился к завтраку отдохнувший и свежий. Граф уже поел и, по словам домоправителя, уехал в город Т. на деловую встречу. Я отправился в библиотеку, твёрдо решив после обеда покинуть замок. Дождь кончился, ярко светило солнце, и моё состояние значительно улучшилось. Паренёк по имени Томас, ухаживающий за Буцефалом, рассказал, что утром проехался на нём. Я поблагодарил его и дал пару монет – Буцефал терпеть не мог долго нахо-

даться без движения. Я велел мальчику оседлать коня к назначенному времени и в хорошем настроении пошёл в последний раз поработать в библиотеке. По разбросанным там и сям книгам я догадался, что граф был здесь прошлым вечером. Я сел в кресло и тут послышался стук. Это упал на пол небрежно брошенный на подлокотник сюртук графа. Подняв его, я увидел на ковре вывалившийся из кармана подсвечник. Я взглянул на него, недоумевая, как можно привязаться к столь дурно исполненному изделию. Подсвечник был самый простой, какой можно найти в любом бедном доме. Я аккуратно повесил сюртук на кресло и, поставив на стол подсвечник, погрузился в чтение.

Незаметно я задремал, убаюканный тишиной, и проснулся оттого, что чьи-то нежнее руки обнимали мою шею. Я открыл глаза и онемел. Прекрасная девушка лет двадцати, склонившаяся надо мной, тут же присела ко мне на колени и, глядя в самое сердце ласковым взглядом серых глаз, спросила:

– Ты меня любишь, милый юноша?

Длинные светло-русые волосы незнакомки рассыпались по моей груди. Я деликатно умолкаю о том, что далее произошло в библиотеке. В объятиях чудесной гостьи я забыл о времени. Она сама вернула меня к действительности, вставая и поправляя на себе шёлковую сорочку.

– Вы так и пришли в рубашке и босиком? – спросил я, пытаясь удержать её за руку. – Вы здесь живёте?

Я ни на минуту не усомнился, что передо мной благородная дама. Я подумал, что это какая-то родственница графа, заглянувшая в библиотеку прямо из спальни.

– Да, я здесь живу, только никому не говори! – улыбнулась она, лукаво грозя мне тонким пальчиком, который я тут же поймал и покрыл поцелуями.

– Мне пора. Иди первым, я выйду потом! – сказала красавица и нежно обняла меня. Её глаза погрустнели.

С сожалением я покинул библиотеку и на лестнице столкнулся с графом. Вид он имел обеспокоенный. Вероятно, граф о чём-то догадался по моему взволнованному лицу, но не сказал ни слова, только кивнул и быстрым шагом проследовал в библиотеку.

– Неловко получилось, – подумал я, – надеюсь, она успеет уйти через другую дверь. А я даже имени её не спросил!

Я постоял на лестнице, прислушиваясь, но всё было тихо. Решив повременить с отъездом из-за очаровательной девушки, я отправился искать Томаса. Мальчика не было ни во дворе, ни на конюшне. Осёдланный Буцефал приветствовал меня негодующим фырканьем. Ему не терпелось на вольный воздух.

Я заглянул к себе, спустился в библиотеку, походил по залам, но никого не обнаружил. Ноги сами понесли меня в лабораторию. Дверь была слегка приоткрыта, и я тихо заглянул в комнату. У жаровни стоял граф фон Грюнвальд. Языки пламени бросали на его лицо пугающие отсветы. Граф толь-

ко что опустошил над тиглем колбу. Я видел, как пузырилась жидкость, вылитая на какой-то предмет, лежащий внутри металлической чаши. Граф взял щипцы и слегка приподнял объект своего эксперимента: я узнал его любимый подсвечник. Граф достал ещё одну колбу и осторожно полил из неё подсвечник, форма которого начала меняться на глазах. Кто-то схватил меня за плечо. Я обернулся и увидел Лимонио. Возмущённый подобной фамильярностью, я было хотел сделать слуге замечание, но осёкся, увидев его залитое слезами лицо. Он предостерегающе поднёс руку к губам. Я ещё раз взглянул на зловещую фигуру графа: тот тоже плакал. Слёзы проложили две узкие дорожки по запачканному копотью лицу.

– Уезжайте, уезжайте, – тихо сказал Лимонио, почти силой оттаскивая меня от двери, – не надо было вам поддаваться чарам графини. Граф всегда был ревнив.

Увлекаемый судорожно вздыхающим Лимонио, я оказался на конюшне. Томас уже выводил Буцефала.

– Бегите, господин, – сказал добрый парень, – не надо вам ехать в аббатство!

Слуги быстро объяснили мне, как добраться до города Л., я пришпорил Буцефала, и вскоре замок графа остался далеко позади.

Профессор Майнберг замолчал и уставился на огонь.

– А вы туда больше не ездили? – спросил ученик.

– На обратном пути, спустя четыре месяца, я завернул

во владения графа, – произнес профессор медленно, – граф к тому времени скончался, и ввиду отсутствия родственников всё имущество перешло короне. Лимонио провёл меня по замку. Я заглянул в лабораторию и библиотеку. Кое-какие рукописи из научного наследия графа фон Грюнвальда я прихватил с собой. Всё равно они уже никого не интересовали, кроме верного Лимонио.

– Так я не понял, дорогой учитель, а куда делась графиня? – подал голос студент. – Вы с ней больше не виделись?

– Графиня пропала без вести за несколько месяцев до моего первого приезда туда, – произнёс профессор многозначительно. – Говорили, она была молода, весела и кокетлива. Слишком кокетлива для такого человека, как её муж.

– Тогда что за дама вас посетила? – вновь спросил студент. – Вы о ней спрашивали?

Профессор Майнберг поднял голову и впервые внимательно посмотрел на ученика. Да, обычный, приземлённый, немного туповатый. Такому спокойно можно рассказать о самом сокровенном.

– Вы ещё молоды, мой друг, – печально вздохнул он, – дамы интересуют вас больше, чем загадочные и непостижимые явления жизни.

– А могу ли я узнать, где госпожа профессорша? – задал вопрос студент Шторм, прихлёбывая из стоящего перед ним бокала. – Надеюсь, она спустится к нам?

– Госпожа Майнберг уехала на воды, – ответил профессор

сухо и кинул на ученика пронизательный взгляд.

Лицо юноши озарял яркий румянец, он отвёл глаза и неестественно улыбнулся.

– Госпожа профессорша казалась такой здоровой... – начал он.

– И молодой! – закончил профессор Майнберг.

Внезапно бокал выпал из рук студента, его глаза закатились, и молодой человек судорожно вытянулся в кресле. Мягко ступая, в комнату вошёл горбатый худой слуга с изуродованным шрамом лицом. По сравнению со своим пожилым хозяином он выглядел совсем древним старцем, но движения его были легки и свободны, как у юноши.

– Надо избавиться от тела, дорогой Лимонио! – устало произнёс учёный. – Его долго не хватятся. Очень удачно, что я встретил юного Шторма на пути в университет. Нас никто не видел вместе.

Старик кивнул и, с трудом подхватив юношу под мышки, потащил его прочь.

В гостиной воцарилась тишина. Профессор Майнберг наклонился и щипцами поворошил угли в камине. Задумавшись, он вынул из кармана атласного халата небольшую серебряную чернильницу и ласково, как комнатную собачонку, погладил её морщинистой рукой.

Мой герой

Маленький неуклюжий человек в чёрном костюме размахивает руками, выкрикивая снова и снова тонким пронзительным голосом:

– Стервятники, проклятые стервятники! Чуете поживу!

Удивительно, но лица у человечка нет. Есть трагическая белая маска, уголки губ которой изогнуты в гримасе смертельной боли. Сквозь тёмные прорези не видно глаз. Мне страшно, хотя никакой агрессии в нём не чувствуется. Он просто кричит, выплёскивая в пустоту своё отчаяние и молотя по воздуху чёрными широкими рукавами.

– Олег, проснись! Проснись!

Это Лиска. Наверное, я кричал во сне. Она смотрит на меня понимающим взглядом:

– Опять?

Я неловко усмехаюсь:

– Опять. Извини. Погаси свет, всё в порядке.

Лиска молча поправляет одеяло, обнимает меня, и я постепенно погружаюсь в сон. Но где-то в дальнем уголке сознания маячит дурное предчувствие. Чёрный человек обязательно вернётся. И я надеюсь, что Лиска тогда будет рядом со мной.

У Лиски желтовато-зелёные слегка раскосые глаза и пушистые рыжие волосы до плеч. По-кошачьи сужающееся

к подбородку личико, ямочки на щеках и озорство во взгляде. Иногда я удивляюсь, как такая красивая, умная и весёлая девушка вышла замуж за замкнутого трудоголика с заурядной внешностью. На самом деле мою жену зовут Елизавета, но прозвище Лиска приклеилось к ней ещё в школе. Несмотря на хитрющее выражение лица, Лиска человек прямой и правдивый. Люди это не сразу понимают, а когда понимают, обижаются. Но не на себя, а на Лиску. Совсем недавно новенькая сотрудница подошла к ней перемыть кости коллеге. Лиска этого терпеть не может. И со всё той же лукавой заговорщической улыбочкой она разделала сплетницу под орех.

– *Олег, а вдруг кто-то уцелел?*

Я посмотрел на заплаканное лицо Лиски. На душе было скверно, гадко, тяжело. Но я старался сдерживать свои чувства.

– Исключено. До того, как спутник прекратил передачу, эксперты успели получить достаточно информации.

– А может, удастся восстановить со спутником связь?

– Лиска, милая, не плачь. Нет, эксперты говорят, что надежды нет. Они нашли причину аварии. Ты же слышала, эти новые энергоблоки... Сейчас повсюду, где они смонтированы, работают комиссии. Специалисты разберутся.

– А как с Ладогой-5?

– Лиска, на Ладугу спасатели не полетят. Как же ты не понимаешь, это бессмысленно! Да и денег на такую масштаб-

ную экспедицию никто не даст, сама знаешь. Если бы был шанс, что там кто-то уцелел, тогда другое дело!

– Значит, этим займётся твой отдел, – упавшим голосом констатировала Лиска.

– Увы, – я почувствовал жжение в глазах и отвернулся в сторону окна, за которым плавно и равнодушно падали крупные снежинки.

Я не спасатель, хотя руковожу отделом в Центре чрезвычайных ситуаций. Мы занимается внеземными колониями. Вернее тем, что от них остаётся, когда случается какой-либо глобальный катаклизм. Мы вылетаем на место, изучаем обстановку, подсчитываем убытки, даём прогнозы о возможности дальнейшего развития. Содержание баз и поселений пока дело затратное, поэтому наша работа очень важна. К счастью, масштабные катастрофы случаются редко, и в остальное время мои сотрудники охотно работают в составе спасательных отрядов других подразделений Центра. Опыт дело наживное, и я с этой старой мудростью полностью согласен. Лиска гордится мной и считает героем, хотя ничего особо героического я не делаю, да и название «Отдел экстремальной оценки» звучит прозаически. Правда, в последнее время Лиска перестала шутливо называть меня «мой герой». Слишком грустные воспоминания с этим связаны.

– *Олег, а вдруг кто-то уцелел?*

Ровно два года назад мы с Лиской отдыхали в Альпах. Воздушные лыжи только-только входили в моду, и мы ре-

шили их освоить. Обычные горнолыжники смотрели на нас презрительно, хотя воздушные лыжи требуют большего мастерства и идеально гладких трасс. Малейший снежный комочек – и равновесие нарушено, приходится совершать акробатические трюки, чтобы не упасть с полуметровой высоты.

На горном склоне мы и познакомились с Аурелией. Одетая в ярко-зелёный комбинезон, она парила над трассой, делая красивые виражи.

– Это, наверное, инструктор, – предположила Лиска. – Чувствуется профессионал!

Я внимательней взгляделся в незнакомку. Точно выверенные движения, энергия, сила и женственность. Защитные приспособления, предусмотренные техникой безопасности, нисколько не портили общего впечатления. Новичков сразу заметишь: они нелепо размахивают руками с закреплёнными на запястьях стабилизаторами равновесия. Мы с Лиской тоже пока не отваживались надолго подниматься в воздух. Глядя друг на друга и видя наше беспомощное трепыхание, мы начинали хохотать, рискуя свалиться на плотно укатанный снег. Эта же воздухолыжница двигала руками медленно и плавно, как в съёмке рапидом. Я не мог оторвать глаз от грациозной фигуры в зелёном. Да и другие лыжники, проезжая мимо, оглядывались на неё с риском получить травму. Спортсменка тем временем подлетела ближе, опустила на снег и приподняла солнцезащитные очки.

– Вас ведь Олегом зовут? – спросила она приятным низким голосом, одновременно кивая Лиске.

Я смотрел и не узнавал. Моя персона редко мелькает в новостях, друзей у меня мало, так что незнакомка, скорее всего, сталкивалась со мной по работе. Женщина усмехнулась:

– Вы удивлены? – она коротко рассмеялась. – Нет, нет, мы незнакомы. Ваши действия на Флоре вне всяких похвал! Мы разбирали их на занятиях в Мединституте! Шоковая терапия!

Я польщено хмыкнул. Флорой ту умирающую планету называли по чистому недоразумению. Кроме безжизненных песков, скал, редкой растительности и мутных высыхающих рек на ней ничего примечательного не было. И только очень наивные люди могли верить байкам нашего бортинженера То-мека о влюбившейся в него там гигантской разумной сороконожке. Из-за угрозы землетрясения мы эвакуировали с Флоры базу, и мне пришлось пару раз врезать паникёру, занимавшему высокий пост. За рукоприкладство и превышение служебных полномочий я впоследствии получил выговор, зато все до единого сотрудника благополучно вернулись на Землю.

Молчавшая до сего момента Лиска вдруг подала голос:

– А вы та самая медсестра с «Аллегры»?

– Ага! – женщина широко улыбнулась Лиске. – Не ожидала, что обо мне ещё кто-то помнит! Я закончила ординатуру и работаю на Ладогe-5.

Память у меня отличная, и я тут же вспомнил давнюю историю о смелой медсестре.

– Что вы, – наконец-то вступил я в беседу, – такое не забывается. Нелегко вам пришлось. Вас так интересно зовут ... Аурелия...

Я запнулся и беспомощно посмотрел на жену.

– Вот и отлично! – женщина искренне обрадовалась. – Зовите меня по имени! А то моя фамилия ещё интереснее!

Она подмигнула и, поднявшись в воздух, продолжила полёт.

Аурелия прилетела на Землю отгуливать полугодовой отпуск, накопившийся за несколько лет работы. Новый вид спорта был как раз в её вкусе.

– Завидую я тебе, – призналась она на следующий день, когда мы расслабленно сидели в кафе, отдыхая после экспериментов с воздушными лыжами.

– Мне? – я недоумённо уставился на неё.

Лиска, склонив голову набок, заинтересованно слушала нашу беседу.

– Знаете, та экспедиция была восемь лет назад! Это же целая вечность! И что после этого? Меня отправили на тихую Ладогу-5, – в её голосе звучала горечь. – И это, как они сказали, в качестве поощрения! Представляете?!

Я покачал головой. Да, я понимал её и не понимал руководство, разбрасывающееся такими ценными сотрудниками.

– Мне, наверное, адреналина не хватает, – сказала Ауре-

лия, – вот и остаётся теперь устраивать экспедиции на лыжах.

Она печально улыбнулась. Лиска сочувственно вздохнула, хотя сама не любила рисковать и занималась воздушными лыжами только из-за меня. Но она прекрасно знала, как может страдать привыкший к приключениям и опасностям человек, оставшись не у дел. Однажды меня отправили на реабилитацию, и я извёл Лиску нытьём и капризами.

– Обещать я ничего не могу, но, может быть, мне удастся организовать встречу с директором Центра, – предложил я. – Он хотя бы выслушает тебя! Наш человек, бывший спасатель!

Аурелия охотно согласилась, а вот Лиска почему-то не поддержала эту блестящую, на мой взгляд, идею. Связавшись в тот же вечер с директором Центра, я согласовал дату и время собеседования. Я был уверен, что разгадал характер новой знакомой. Аурелия, казавшаяся такой энергичной, активной и деловой, совершенно не умела говорить с начальством и за себя просить.

– Как думаешь, она замужем? – спросил я Лиску, когда мы остались одни. – Такая привлекательная женщина.

Лиска покосилась на меня. Обычно я редко интересовался семейным положением случайных знакомых.

– Она была замужем, – ответила моя жена, – но не говори с ней об этом.

Меня всегда поражало, откуда Лиске известно столько по-

дробностей о малознакомых людях, тем более что сплетни она не любила.

– С какой стати мне с ней об этом говорить? – удивился я. – А что там случилось?

– Её бывший муж – подлец, – с необычной для неё резкостью бросила Лиска, и по её лицу я понял, что больше ничего не узнаю.

– *Олег, а вдруг кто-то уцелел?*

Что было потом? Я всегда считал себя однолюбом и не думал, что смогу когда-нибудь изменить Лиске. Но вышло так, что через два дня Лиска упала и сильно ушибла колено, порвав связку. Конечно, теперь ни о каких воздушных лыжах не могло быть и речи. Она наотрез отказалась прервать отпуск, тем более что здешний врач обещал присмотреть за ней. Мне было страшно жаль Лиску, но, одновременно, я чувствовал радостное волнение при мысли, что теперь я смогу оставаться с Аурелией наедине.

Мы были одни в толпе лыжников, отправляющихся на подъёмник, одни в баре на вершине, среди развесёлых компаний любителей экстремального спорта, одни над гладкими белыми лентами трасс, одни в маленьком отеле, с разбросанной по всему номеру горнолыжной амуницией. Мы спускались вниз в город, и я виновато опускал глаза, видя у подъёмника маленькую фигурку жены. Сдав лыжи, мы с обеих сторон подхватывали Лиску под руки и шли к отелю. Подлость и лицемерие? Не знаю, что и сказать. Самое уди-

вительное, что Аурелия по-настоящему привязалась к Лиске и старалась оказывать ей разные мелкие услуги. Странное существо человек!

В свободное время они увлечённо болтали о каких-то книжках, которые я никогда не читал и уже не прочту. Лиска работала в Музыкальном архиве и занималась созданием каталога песен российской эстрады начала 20 века. У меня перед глазами до сих пор стоит сцена, которую я наблюдал в один из вечеров в уютном холле отеля.

– Смотри, – сказала моя жена, проводя пальцем по тексту на мониторе, – вот нотная обложка 1914 года. Видишь, певица Долина пела эту старинную шотландскую песенку на первом патриотическом концерте в Петрограде! Россия тогда была союзницей Англии! Здорово, подстрочник сразу на двух языках!

– А тут и штамп есть, и какой чёткий! – как ребёнок обрадовалась Аурелия. – Магазин «Северная лира», 26 ноября 1914, Петроград, Владимирский проспект, дом номер 2!

Обе зачарованно замерли, думая о чём-то своём.

– Надо же, кто-то столетия назад купил эти ноты, играл, пел для кого-то... – вздохнула Лиска.

– А какой мотив, а то я ноты не знаю? – поинтересовалась Аурелия.

Слух у Лиски был абсолютный, а вот голос слабенький. Но я всегда с удовольствием слушал её пение.

Лиска сосредоточилась, внимательно глядя на экран, по-

ТОМ ТИХО ЗАПЕЛА:

Всё небо озарилось румяною зарёй,
Когда сюда вернулся наш юный герой!
О, Чарли мой любимый, мой нежно любимый!
О, Чарли мой любимый, мой юный герой!

Лиска замолчала и взглянула на меня. Аурелия почему-то покраснела.

– Ага, песня называется *Charlie Is My Darling!* – быстро сказала она и тут же продолжила на английском, читая текст с экрана.

As he came marching up the street,
The pipes play'd loud and clear,
And a» the folk came running out
To meet the Chevalier
Oh, Charlie is my darling,
My darling, my darling...

Она оборвала песню и закашлялась.

– А у тебя хороший голос, – похвалила Лиска. – Контроль-то.

Почувствовав возникшую в воздухе напряжённость, я спросил:

– Так кто же этот нежно любимый герой Чарли?

– Тут есть примечание. Это племянник короля Иакова

Второго, – ответила Лиска

– А, – сказал я.

Догадалась ли Лиска, как я люблю Аурелию, как меня тянет к ней? Теперь, вспоминая некоторые детали, я удивляюсь своей слепоте. Лиска, всегда такая прямая и естественная, стала вести себя натянуто-фальшиво, а я ничего не замечал. Я часто застывал, восхищённо глядя на Аурелию. Весёлое открытое лицо в обрамлении коротких тёмных волос, голубые глаза и маленький прямой нос. Казалось бы, что в ней такого особенного, чего нет в других женщинах? Энергия, жажда жизни, оптимизм и уверенность в своих силах? Не знаю...

Но каждый раз, когда я видел её, моё сердце замирало и падало в пропасть, жаркая волна пробежала по телу, и всё окружающее меркло, оставляя одно яркое цветочное пятно: Аурелия в алом брючном костюме за ужином, Аурелия в короткой бежевой куртке на прогулках в городе, Аурелия в длинном светло-вишнёвом платье на Балу лыжников, Аурелия в простых джинсах и вязаной фуфайке за завтраком, Аурелия и матовое свечение её кожи на белой плоскости накрахмаленной простыни.

Я много раз пытался придумать для неё уменьшительное имя. На мой взгляд, Аурелия звучало слишком выпренокно. Ари, Рели, Эля... Ничего не подходило. И она осталась Аурелией.

Однажды я поинтересовался, почему её так называли.

– О, – весело сказала она, – я ж золотая девочка. Родилась с золотыми волосами, а с возрастом потемнела. Если бы родители могли предугадать, что я превращусь в брюнетку, не знаю, какое я бы имя получила. Негра, Дарк, Брюн, Чернушка или ещё что-то в этом роде. Почему-то они не назвали меня просто Злата. Но всё это ерунда, главное, они постарались сделать моё детство золотым!

Я расхохотался и тут случайно посмотрел на Лиску. Моя жена сидела, рассеянно уставившись в бокал с тоником. И я в который раз подумал, что будет с нами дальше. Если директор не возьмёт Аурелию на работу, она улетит на свою Ладогу-5, и мы вряд ли скоро увидимся. А если она останется на Земле? Но я не мог бросить Лиску, ни за что на свете не мог отказаться от неё! Лиска, как маленькое солнышко, освещала мою жизнь тёплым ровным светом. Мы много пережили вместе и в ближайшем будущем планировали завести ребёнка. Мы, такие разные, всегда понимали друг друга с полуслова! Я помнил, как Лиска тяжело заболела, а я взял отпуск и ночами носил на руках её хрупкое тело и ласково успокаивал, пока она, наконец, не засыпала, доверчиво прижавшись ко мне.

Аурелия замолчала и посмотрела на нас. Её лицо было спокойно, но я заметил, как тонкие сильные пальцы, обхватывающие бокал, несколько раз сжались и разжались. Аурелия поймала мой взгляд и быстро убрала руки под стол. Каким-то непостижимым образом она прочитала мои мысли.

Больше мы с ней ни разу не поднимались в горы. Приехал коллега Аурелии с Ладоги-5, симпатичный норвежец Чель. Они уезжали кататься вместе, и сердце моё каждый раз тоскливо сжималось, когда я думал о том, что они, возможно, сейчас в том же маленьком отельном номере...

– *Олег, а вдруг кто-то уцелел?*

Лиска потом долго хромала, но к моменту, когда Аурелия приехала на встречу с директором Центра, её колено зажило. Увы, как и предсказывала Лиска, ничего хорошего из моей затеи не вышло. Директор был любезен, даже пригласил Аурелию в ресторан, но работы, по которой она так тосковала, не предложил.

– Олег, я преклоняюсь перед этой женщиной, она настоящая героиня! – взволнованно говорил он потом, расхаживая по кабинету. – Но ты же знаешь, отдел спасателей не для неё! А от кабинетной работы она отказалась!

– Она прекрасный специалист и мы могли бы взять её в штат. У нас есть вакантные должности! – возразил я.

– Какие экспедиции?! Её и на Ладогу-5 еле-еле направили! – разгорячился директор. – Ты представляешь, как это опасно?

– Не знаю, что может случиться. Риск как раз по ней. Такие сотрудники на дороге не валяются! Её опыт и личные качества...

– Друг мой, ты соображаешь, что говоришь? – директор воззрился на меня, и во взгляде его было столько укориз-

ны, что я поневоле почувствовал себя виноватым. – Ей и летать-то запретили, если уж на то пошло!

– О чём вы?

Директор впервые пристально взглянул на моё недоумевающее лицо.

– Ты не в курсе? Ах да, это упоминали всего один раз... У неё были выжжены оба лёгкого, когда она спасала члена экспедиции. Вместо здоровой молодой женщины и трупа – два инвалида. А ведь по инструкции ей следовало без колебаний захлопнуть люк! Ей тогда было всего 22 года. Вот так-то, Олежек. Хорошо, внешность удалось восстановить. Но ты знаешь, медицина не всесильна. Кстати, человек, которого она спасла, стал знаменитостью. Ян Оверкерк очень известный учёный.

Я вспомнил два ряда бледных шрамов на гладкой загорелой коже, разноцветные баночки с «витаминами», которые якобы должны принимать все обитатели Ладоги-5. Баночки без этикеток. И комната качнулась перед глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.